

Л. М. Аржакова

К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМОМ
ПЕРЕВОРОТЕ В ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
И ЕГО ВОСПРИЯТИИ В РОССИИ

Рассматривается один из эпизодов, связанных с пониманием причин гибели Польского государства, как в русской, так и в польской исторической науке XIX в. Корректируются некоторые устоявшиеся представления о восприятии в России так называемого переворота в польской историографии.

This article scrutinises an episode unveiling the understanding of the causes of the fall of the Polish state in Russian and Polish historical science of the 19th century. The author revises some established concepts concerning the reception of the so called "revolution in the Polish historiography" in Russia.

Ключевые слова: русско-польские отношения, гибель Речи Посполитой, история Польши, Краковская историческая школа, Варшавская историческая школа, польское общество.

Key words: Russian-Polish relations, the falls of Polish-Lithuanian Commonwealth, Polish history, Cracow historical school, Warsaw historical school, Polish society.

К научному наследию Николая Ивановича Кареева по сей день постоянно обращаются философы, социологи, историки. Что касается последних, то среди них преобладают медиевисты и новисты. Гораздо меньше говорят и пишут о Карееве как о полонисте, хотя его вклад в развитие российской полонистики неоспорим.

Пребывание в Варшавском университете в должности экстраординарного профессора кафедры всеобщей истории (1879—1885) побудило Н.И. Кареева углубленно заняться историей Польши, по его собственному признанию, «во многих отношениях интересной» [1, с. 156]. Занятия эти оказались весьма плодотворными. Вскоре после переезда ученого в 1885 г. в Петербург одна за другой выходят его монографии, в основу которых легли материалы, собранные в Варшаве. Это — «Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше» (М., 1886), «Исторический очерк польского сейма» (М., 1888) и др. Особое место в этом ряду занимает монография «"Падение Польши" в исторической литературе» (СПб., 1888), где, привлекая разноязычную, старую и новую литературу вопроса, Н.И. Кареев рассмотрел огромный материал, касающийся того, как в европейской историографии трактуются гибель Польского государства и ее первопричины.

Видное место в полонистическом наследии Н.И. Кареева занимает и статья «Новейшая польская историография и переворот в ней». Впервые напечатанная в декабрьской книжке «Вестника Европы» за 1886 г., а затем включенная автором в сборник «Polonica» [2], она привлекла внимание российской научной общественности к существенным сдвигам, происходившим в польской науке.

Как раз в год переезда Н.И. Кареева в Варшаву польское общество вновь всколыхнул ожесточенный спор о причинах гибели Речи Посполитой. Поводом к тому послужил выход в свет «Очерка истории Польши» [3], принадлежащего перу профессора Ягеллонского университета, одного из видных деятелей Краковской исторической школы Михала Бобжиньского. Сразу после своего появления книга эта, как писал Кареев, «за резко отрицательный взгляд на прошлое Польши вызвала массу нападок на автора как человека, "марающего родное гнездо" и чуть ли не подкупленного московскими рублями» [1, с. 170].

Н.И. Кареев волею судеб оказался в самой гуще полемики, развернувшейся вокруг книги М. Бобжиньского, и ему, пожалуй, более, чем кому-либо из российских ученых, довелось прочувствовать всю остроту этих словесных баталий (что он и отразил в своей статье 1886 г.). Кареев сознавал, что переворот в польской историографии произошел не вдруг и потому позднее, в своей монографии 1888 г. подчеркнет тесную взаимосвязь между концепцией Михала Бобжиньского и научной позицией одного из основоположников краковской школы Юзефа Шуйского. В своей капитальной «Истории Польши», которая увидела свет еще в 1860-х гг., Шуйский, в частности, писал: «За эпохой... в которую апология была главным знаменем польской историографии, наступает другая, когда среди серьезных работ... рушатся прежние апологетические системы... В новом этом направлении могут быть увлечения и односторонность, появляющиеся время от времени; оно, однако, имеет будущее и непоколебимое право на существование, ибо стремится дать обществу объективную истину. На-

правление это положило конец несчастному и столь долговременному заблуждению — защите и апофеозу анархичной Польши» [4, с. 61–62].

Однако Н.И. Кареев все же не был первым из русских ученых, кто обратил внимание на существенные сдвиги в подходе польской исторической науки к такому большому вопросу, как причины падения Речи Посполитой. Еще за пару лет до появления статьи «Новейшая польская историография...», которая, собственно, и положила начало серии трудов Кареева, в той или иной степени касающихся развиваемой Бобжинским концепции падения Речи Посполитой, на выход «Очерка...» откликнулся другой русский историк — профессор Московского университета Нил Александрович Попов.

В 1884 г. Попов напечатал статью «О важнейших явлениях в польской исторической литературе за прошлый год» [5, с. 22–27]. В своей статье он значительное место уделил Михалу Бобжиньскому — «важнейшему представителю польской историографии», как аттестовал его московский историк. При этом было подчеркнуто, что исследования Бобжиньского «сделали имя автора известным в ученом мире; но оно получило всеобщую известность не только в польской литературе, но и других, когда он издал свое интересное во многих отношениях сочинение “История Польши в общем очерке”». Сочинение это «произвело сильное волнение между польскими историками, ибо ставило изучение польской истории на совершенно новые основания» [5, с. 25].

Заявив, что именно Бобжиньский является «наиболее близким к научной истине между современными польскими историками», Попов поясняет: именно он «первый с замечательной ясностью и без всяких недомолвок определил отношение нынешней польской историографии к предшествовавшим направлениям» [5, с. 26]. Было одобрительно подчеркнуто, что «теперь уже польские историки все менее и реже отдают свою науку на служение философским теориям, политическим учениям и клерикальным целям и ищут оснований для своих выводов лишь в критически объясненном историческом материале, в сравнении польской истории с историей других народов и в более или менее беспристрастном отношении к слабым сторонам польской жизни» [5, с. 26].

Надо сказать, что статья о польской историографии не была первым опытом признанного специалиста по истории Сербии Нового времени Н.А. Попова в области полонистики. Интерес к ней — и, скорее всего, под влиянием С.М. Соловьева — пробудился у него давно [8; 9; 6, с. 155]. С середины 1860-х гг. выходят такие его статьи на польскую тему, как «Поляки в Пруссии» (1864), «Варшавское герцогство» (1866), «Познанские сеймы от 1827 по 1845 год» (1867). В 1875 г. «Вестник Европы» напечатал цикл его статей, посвященных недавнему прошлому былой столицы Польского королевства, — «Вольный город Краков с 1815 по 1846 г.».

И.Г. Воробьева, внимательнейшим образом изучившая научное наследие Нила Александровича Попова, справедливо отметила, что эти статьи «носили описательный, реферативный характер», что их автор «редко анализировал документы, чаще пересказывая... книги немецких, французских, австрийских и польских историков». Иначе говоря, — они «не были самостоятельными» [6, с. 157]. Правда, такая строгая оценка не вполне согласуется с тем, что буквально страницей раньше было сказано исследовательницей по поводу статьи Попова «Познанские сеймы...». Без каких-либо оговорок там было подчеркнуто, что в данном случае Н.А. Попов, тщательно проанализировавший протоколы познанских сеймов, «выступил как оригинальный исследователь... проявив способности к комментированию и толкованию трудного текста» [6, с. 156].

В своих статьях на польские сюжеты историк выступал убежденным сторонником позитивного сотрудничества поляков с русскими, — ради убедительности ссылаясь на авторитет известного польского публициста эпохи Просвещения Станислава Сташица, обратившегося в одном из своих памфлетов с призывом к соотечественникам: «Соединяйтесь с русскими и просвещайтесь» [10, с. 590].

Что же касается причин гибели Речи Посполитой (как известно, это — проблема, которой так или иначе касался едва ли не каждый, писавший о Польше), то и здесь Н.А. Попов следовал традиции, давно утвердившейся в отечественной исторической литературе. Будучи радетелем идеи славянского единства, он, конечно, сожалел, что «в эпоху внутреннего расслабления Польши совершился неестественный с общеславянской точки зрения, но неизбежный, по преданиям местной истории и по условиям времени, союз России с немецкими владетелями против Речи Посполитой. Возникла мысль о разделе Польши между союзниками».

Раз и навсегда усвоив, кто прав — кто виноват в печальной судьбе Речи Посполитой, Н.А. Попов ни на шаг не отклонялся от общепринятого в российской науке утверждения: «...участвуя в разделах Польши, Россия только возвращала под свою державу земли, издавна заселенные восточными славянами и некогда принадлежавшие Рюриковичам. <...> Политическое падение польского народа совершилось

не вследствие только внутренней слабости Речи Посполитой, но, с одной стороны, по закону исторического возмездия за его прежнюю политику на востоке славянского мира; с другой — в силу давнего стремления немецкого племени подчинить себе соседних с ним славян и переработать их в однородную с собой массу» [11, с. 113]. Таким образом, изрядно потрудившись, использовав обширную литературу (польскую, французскую, но преимущественно — немецкую), Попов приходил к выводам, давно и прочно утвердившимся в русском обществе.

Так или иначе, нельзя не отдать должного его наблюдательности и, в известной степени, проницательности. По сути, он действительно первым открыл Бобжиньского для русской публики. Однако все же заметно, что историк, которому не раз доводилось писать на польские темы, специалистом по истории Польши не являлся, и ему было сложно разобраться в исторической концепции М. Бобжиньского, а тем более в мотивах, которыми тот руководствовался. Тем не менее, на взгляд И.Г. Воробьевой, сделать это ему удалось, и «работа Попова, — по ее словам, — оказалась глубокой и созвучной с оценкой позитивиста-либерала Кареева» [6, с. 72]. Насколько бесспорно это наблюдение?

Уверенно можно говорить о том, что Н.А. Попов в книге Бобжиньского отметил те суждения о польских делах, которые представлялись ему давно знакомыми — прежде всего по российским сочинениям и всякого рода журнальным обзорам. Его собственное восприятие гибели Речи Посполитой вполне отвечало тому прочно устоявшемуся в русской историографической традиции пониманию причин польской катастрофы, какое находим у С.М. Соловьева и других русских историков задолго до него [12, с. 173–193]. Достаточно вспомнить, что Соловьев беспартийно заявляет: «Польша погибла вследствие своих республиканских форм» [13, с. 213].

Если трудно согласиться с И.Г. Воробьевой относительно глубины разбора Н.А. Поповым «Очерка истории Польши» Бобжиньского, то исследовательница, безусловно, права, когда отмечает созвучие оценок этой книги, даваемых Поповым и Кареевым. Действительно, рассуждая о причинах гибели Речи Посполитой, Кареев ничуть не сомневался в том, что «все спасение их (поляков. — Л.А.) родины могло заключаться только в установлении крепкой правительственной власти» [14, с. 554]. Выход «Очерка...» Бобжиньского дал русскому историку повод с удовлетворением отметить, что пусть и позднее других, но поляки «стали понимать истинные причины падения старой Польши» [14, с. 537].

И.Г. Воробьева справедливо подчеркнула то обстоятельство, что в трактовке такой кардинальной для отечественной полонистики проблемы, как падение Речи Посполитой и его причины, мнения Н.А. Попова и Н.И. Кареева практически совпали. Констатируя это, на первый взгляд удивительное, даже парадоксальное совпадение, стоит, думается, сделать две оговорки. Во-первых, пожалуй, точнее будет сказать, что не взгляды консерватора совпали с позицией позитивиста-либерала, а наоборот: в данном случае именно Кареев фактически примкнул к традиционно-русскому пониманию вопроса. Во-вторых, все же нельзя упускать из виду существенных различий в подходе двух ученых к истории Польши и к польской историографии.

Что касается Н.А. Попова, который и здесь шел по стопам своего учителя С.М. Соловьева, то он был озабочен в первую очередь тем, чтобы снять с Российской империи беспочвенные, как он считал, обвинения за разделы Речи Посполитой. Потому его так порадовало появление в польской исторической литературе (в целом, как он знал, недружелюбно и даже враждебно настроенной по отношению к официальному Петербургу) столь самокритичного заявления видного краковского ученого. Тезис Бобжиньского был им истолкован как еще одно подтверждение правильности русской политики в польском вопросе.

Н.И. Кареев, напротив, отнюдь не был сторонником русификаторства (и, собственно, именно «душная» в этом смысле атмосфера Варшавского университета вынудила его при первой же возможности покинуть его стены и перебраться в Петербург). В смелой, заведомо обреченной на то, чтобы быть с негодованием встреченной очень многими поляками, декларации Михала Бобжиньского он увидел, прежде всего, поступок, который, на его взгляд, мог поспособствовать преодолению давнего взаимонепонимания. Как надеялся Кареев, такой шаг польского историка помог бы примирению русского и польского общества — примирению, начало которого, к его удовлетворению, исходило бы из научной польской и русской среды.

Как бы то ни было, Н.А. Попов и Н.И. Кареев, действительно, поняли концепцию М. Бобжиньского в основном одинаково. Хотя, пожалуй, правильнее будет сказать, что они не столько поняли ее, сколько интерпретировали в привычном для них смысле. В полемически заостренной формуле краковского историка: «Не границы и не соседи, только наш внутренний разлад довел нас до потери государственного существования... Если... в конце XVIII в. мы не могли противостоять опасности, то единственная причина заключалась в нашем внутреннем безарядье» — они с удовлетворением восприняли первую фразу, не придав значения второй (впрочем, примерно то же самое надо сказать и о возмущенных «Очерком...» поляках). Казалось бы, напрашивается вопрос:

что, собственно, представляла собой та «опасность», которой была не в силах противостоять ослабленная внутренним безнарядьем Речь Посполитая, как не натиск трех соседних монархий? Иначе говоря, едва ли можно понимать дело так, что Бобжиньский снимал всякую вину за разделы Речи Посполитой с держав, разорвавших ее на части, — и в первую очередь с России, которой, как известно, принадлежало здесь решающее слово.

Отдавая должное наблюдательности Попова и Кареева в том, что касается связанных с именем Бобжиньского существенных сдвигов в состоянии польской исторической мысли, нельзя не отметить, что кое-что они все-таки из виду упустили.

Дело в том, что еще в 1874 г. на страницах «Вестника Европы» вышла статья, автор которой, скрывшийся под криптонимом «Е.Л.» (к сожалению, раскрыть его с полной уверенностью пока не удастся), обращал внимание читателей на появившиеся не так давно две польские публикации документов. По его словам, «в нашей литературе прошли почти незамеченными два весьма любопытные издания: “Барская конфедерация” и “Внутренняя корреспонденция Станислава Августа” — эти сборники подлинных и весьма важных исторических материалов проливают яркий свет на внутреннее состояние Польши в последние минуты ее политического существования» [15].

Издателем первого из сборников [16], привлечших внимание автора статьи в «Вестнике Европы», был Людвик Гумплович (1838–1909), выпускник Краковского университета, судя по всему, проникшийся идеями тогда еще только формировавшейся Краковской исторической школы [17, с. 150–153]. Нашего Е.Л. не меньше, чем публикуемые Л. Гумпловичем материалы, привлекло его предисловие к публикации. Российским автором было подчеркнуто, что в своем кратком очерке, предварявшем публикацию источников, Гумплович «нисколько не закрывает глаз перед безотраднoю истиною: он смотрит на нее прямо, хотя и с глубокой грустью», и его «взгляд на историю своего отечества» можно оценить как «весьма трезвый». «Трезвость взгляда», с точки зрения Е.Л., проявила себя как раз в том, что Л. Гумплович усматривал причины гибели Речи Посполитой «не столько в несправедливостях и насилии со стороны соседей и врагов, как это делают почти все польские историки, сколько в условиях социальной и гражданской организации самой страны». И далее автор журнальной статьи приходил к заключению: «Такой взгляд составляет во многих отношениях новость в польской исторической науке и свидетельствует о замечательном повороте, возникающем в последнее время в ее направлении» [15, с. 6].

Е.Л. (гораздо раньше, чем Попов и Кареев, обратив внимание на такой сдвиг в историографии вопроса) не преминул высказать свое — надо сказать, нелицеприятное — мнение по поводу «большинства польских писателей». По его словам, под их пером «все то, что перед судом мыслящего и беспристрастного человека должно возбуждать чувство глубокого сожаления, негодования и даже отвращения... превращается в нечто идеальное, в нечто высоко совершенное; самые мрачные и темные стороны прошлого обливаются розовым и ослепляющим светом».

Все эти польские историки, романисты, поэты и журналисты, на языке которых «подобное отношение к прошлому называется “уважением к традициям”», не вызвали у Е.Л. ни малейшего сочувствия. И потому он с чувством глубокого удовлетворения цитировал Гумпловича: «Мы пали, — писал тот, — невзирая на всевозможные усилия подняться, помимо всяких попыток к возрождению, — попыток, полная история которых составляет вместе историю всего царствования Станислава Августа; мы пали вследствие внешних влияний, но еще более — скажем это с болью — вследствие причин внутренних, скрывающихся в недостатках народного характера, которые даже и ныне, несмотря на все несчастья наши, присущи нам и живут в наших чувствах и в нашем настроении». Не удивительно, что наш автор не мог сдержать восторженного восклицания: «Такое самопознание весьма знаменательно, и подобное самообличение очень характерично и ново в польском писателе!» [15, с. 8].

Иначе говоря, тот переворот в польской историографии, который констатировали сначала Н. А. Попов (1884), а затем Н. И. Кареев (1886), проявил себя раньше, чем вышел в свет «Очерк...» М. Бобжиньского, и — что не менее существенно — российским автором он был замечен намного ранее середины 1880-х годов. Нельзя не подчеркнуть и то, что текст Гумпловича привлек к себе внимание российского обозревателя по той же причине, по какой Попова и Кареева так заинтересует «Очерк...» Бобжиньского: польский публикатор материалов Барской конфедерации, как представлялось российскому автору, самым непосредственным образом вторил распространенной в российской полонистике трактовке причин гибели Речи Посполитой...

Список литературы

1. Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990.
2. Кареев Н. И. Polonica: сборник статей по польским делам (1881 – 1905). СПб., 1905.
3. *Bobrzyński M.* Dzieje Polski w zarysie. Kraków, 1879.
4. Кареев Н. И. «Падение Польши» в исторической литературе. СПб., 1888.
5. Попов Н. А. О важнейших явлениях в польской исторической литературе за прошлый год // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1884. №2.
6. Воробьева И. Г. Профессор-славист Нил Александрович Попов. Тверь, 1999.
7. Воробьева И. Г. Зарубежная историография славянских народов в трудах Н. А. Попова // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 5. СПб., 2005.
8. Попов Н. А. Королева Варвара. Исторический рассказ из польской жизни // Русский вестник. 1857. №1.
9. Попов Н. А. Из жизни Марины Мнишек // Московские ведомости. 1857. №82, 86, 91, 98, 103, 106, 120.
10. Попов Н. А. Варшавское герцогство // Русский вестник. 1866. №2.
11. Попов Н. А. Вольный город Краков. 1815 – 1846 // Вестник Европы. 1875. №1.
12. Аржакова Л. М., Якубский В. А. Польский вопрос в русской историографии и публицистике первой трети XIX в. // *Albo dies notanda lapillo*. Коллеги и ученики Г. Е. Лебедевой. СПб., 2005. С. 173 – 193.
13. Соловьев С. М. Соч.: в 18 кн. Кн. 17. М., 1996.
14. Кареев Н. И. Новейшая польская историография и переворот в ней // Вестник Европы. 1886. Дек.
15. Е. Л. Польша и поляки при Станиславе Понятовском. 1784 – 1792 // Вестник Европы. 1874. Кн. 7, 8.
16. *Konfederacja Barska*. Korespondencja między Stanisławem Augustem a Ksawerym Branickim, lowczym koronnym, w roku 1768. Kraków, 1872.
17. *Polski Słownik biograficzny*. Т. 9 / 1. Wrocław – Kraków – Warszawa, 1960.

Об авторе

Лариса Михайловна Аржакова – канд. ист. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: larjak@mail.ru

Author

Dr. Larisa Arzhakova, Associate Professor, Saint Petersburg State University, e-mail: larjak@mail.ru